

— Ай! — Лян Шу резко отдернула руку, но капля раскалённого масла успела её обжечь. Прежде чем она опомнилась, её пальцы оказались в крепкой хватке и были подведены под струю холодной воды. Ледяная струя воды омыла кончик пальца. Боль едва успела дойти от нервных окончаний до мозга, как её остатки были смыты на полпути. Она растерянно застыла, отрешённо глядя на подругу.

— Уже сама стала мамой, а всё такая же неловкая, — говоря это, Янь Юфан неотрывно смотрела на палец под струёй холодной воды. Она подержала его так несколько секунд, затем повернула, чтобы осмотреть, и только тогда с облегчением выдохнула. Повернувшись, она заметила задумчивый взгляд Лян Шу, и с улыбкой помахала рукой у неё перед глазами.

— На что ты так смотришь?

Эти нежные глаза светились знакомым светом, будто вобрав в себя всё солнце за окном. Такие же ясные и тёплые, как и прежде, они на миг вернули Лян Шу в детство, и всё же что-то неуловимо изменилось. Она приоткрыла рот, но, помедлив пару секунд, так ничего и не сказала. На самом деле Лян Шу хотела объяснить, что задумалась, потому что плохо спала — ночь напролёт её мучили кошмары.

Это был очень длинный, дурной сон. Сон, от воспоминаний о котором по телу до сих пор пробегал холод. Во сне она получила страшную весть: её самая близкая подруга — та самая, что сейчас стояла перед ней — погибла в аварии за границей. Их последняя встреча была в пробирающем до костей холоде больничного морга. На её самом родном лице навсегда застыло отсутствие этой тёплой улыбки.

С того момента она провалилась в безграничную тьму, словно потеряла единственный свет в своей жизни. У неё развилась тяжёлая депрессия, она никого к себе не подпускала. Она причинила боль многим, включая родных: мужу, который упрямо шёл за ней во тьму, никогда не сдаваясь, и даже самому невинному и дорогому — своему ребёнку...

Тот тёмный путь казался бесконечным. Она блуждала по нему в одиночестве, каждый день

балансируя на грани жизни и смерти, желая лишь одного: позволить душе оступиться и сорваться в пустоту, чтобы разом покончить со страданиями. В конце концов она так и не нашла выход — лишь в ужасе проснулась и поняла: к счастью, это был всего лишь сон. Всего лишь сон...

— У меня уже «гусиные лапки» появились, — заметив, что Лян Шу пристально разглядывает её глаза, Янь Юфан улыбнулась ещё шире, и в уголках её глаз действительно пролегли морщинки. — Ещё на год постарела, совсем не хочется праздновать, но ты, как всегда, настаиваешь.

Лян Шу мысленно стряхнула с сердца нависшую тень и тоже улыбнулась:

— А Си Чжюань? Разве он не устраивает тебе день рождения?

— Он? Он у меня в этом плане простак. Сказала: «Не хочу праздновать», он и не празднует.

Янь Юфан внимательно осмотрев палец Лян Шу, убедилась, что покраснения нет, и отпустила.

— Но почему-то я помню... — она осеклась на полуслове.

Лян Шу вдруг вспомнила тот день рождения, когда Янь Юфан исполнилось двадцать четыре. Та звонила ей из далёкой Африки и рассказывала, что познакомилась с новым коллегой. Он не только преподнёс ей сюрприз и поздравления от компании, но и пригласил на ужин. Тот мужчина произвёл на неё прекрасное впечатление: интеллигентный, скромный, вежливый, а главное — очень высокий и красивый. Надо же, пролетело двенадцать лет. Снова её год по восточному календарю.

Видимо, её воспоминания и вправду застыли в далёком прошлом. Неудивительно, что ей показалось, будто улыбка Янь Юфан немного изменилась. Суровые условия закалили ту изящную, нежную девушку — теперь в ней чувствовалась уверенность деловой женщины. В прошлом году, кажется, её назначили заместителем главного инженера. «Значит, это и правда был всего лишь сон», — утешила себя Лян Шу. В том сне Юфан погибла в двадцать девять лет — её ребёнку только исполнилось пять, а Лян Шу тогда ещё не вышла замуж. Сейчас им обоим по тридцать шесть...

— Мне просто повезло, что я попала на твой отпуск и смогла поздравить, — улыбнулась Лян Шу. — Кто знает, когда ты вернёшься в следующий раз.

Из сковороды донеслось внезапное шипение. Лян Шу снова повернулась к плите и выложила обжаренные до золотистой корочки рёбрышки.

— Хорошо, что не подгорели.

— Да разве наша а-Шу способна что-то спалить? — подхватила Янь Юфан, бросая взгляд на её руку с половником. — Может, принести тебе пластырь?

Лян Шу со смешком взглянула на неё:

— Не нужно.

Капля масла — пустяк, для того, кто часто готовит. Но её подруга всегда была белоручкой: до замужества о ней заботилась Лян Шу, после — муж, отчего в быту стала совсем беспомощной.

Тут до неё дошло:

— Кстати, почему ты вообще здесь? Где Чжоу-Чжоу?

Раньше Янь Юфан постоянно твердила, что кухонный чад старит женщин, всегда была против того, чтобы Лян Шу готовила, а сама обходила кухню стороной. Когда они жили вместе, она даже требовала, чтобы подруга заходила на кухню только в перчатках и шапочке для волос. А потом взяла и уехала в Африку, где каждый день вместе с толпой мужчин проходила боевое крещение экваториальным ультрафиолетом на стройплощадке. Они были ровесницами, но сейчас, стоя рядом, походили на сестёр с заметной разницей в возрасте.

— Чжоу-Чжоу играет с Суй-бао [1], — Янь Юфан взяла блюдо с нарезанным зелёным луком. — Это нужно добавить?

[1] 宝 (Вăо) — сокровище, малыш, драгоценность. Часто используется родителями, бабушками, дедушками или близкими людьми, чтобы выразить нежность, любовь и заботу к ребёнку.

Видя, что она не собирается уходить, Лян Шу беспомощно вздохнула:

— Ты так редко бываешь дома, неужели не хочешь пообщаться с сыном? Он в следующем году уже пойдёт в среднюю школу, а маме и дела нет.

— Он уже сам решил, что станет спортсменом. Учёба — его личная ответственность. Я считаю, это прекрасно: служить стране — достойная цель.

— Чжоу-чжоу просто взрослее своих сверстников, и то лишь потому, что редко видит родителей. И как тебе не стыдно... — Лян Шу осеклась. Это была вечная тема, и уговаривать её было бесполезно.

— Ладно, ладно, — Янь Юфан знала, что неправа, но всё же решила оправдаться. — В этот раз я правда не уваливаю от материнских обязанностей. Я хотела с ним поговорить по душам, но во всём виноват твой Суй-бао.

Она указала в сторону гостиной.

— Сяо Суй-бао прогнал меня. Боится, что тётя отнимет у него гэгэ.

Услышав это, Лян Шу убавила огонь и обернулась в сторону гостиной. На детском коврике трёхлетний Вэнь Суй, сидя на корточках, спрятал личико в коленях и сердито водил пальчиком по ушам нарисованного Пикачу. Его пухлые щёки надулись от обиды. Си Чжоу подошёл и присел напротив. Он поставил на коврик тарелку в виде Микки Мауса и подвинул её прямо под нос малышу.

— Суй-бао, почему ты не разговариваешь с гэгэ?

— Хмф, — сердито сопя, надулся малыш.

Он скосил глазки на тарелку. На тарелке, аккуратно разложенные цветочком, лежали дольки мандарина. Сочные, ярко-оранжевые, они так вкусно пахли... Глазки малыша на миг сверкнули. Он обожал мандаринки! Но пухлое личико отвернулось — малыш отказался есть.

Видя, что Вэнь Суй устроил забастовку, Си Чжоу усмехнулся:

— Почему не ешь?

Суй-бао по-детски запротестовал:

— Обычно меня кормит гэгэ.

Он имел в виду, что раньше Си Чжоу всегда кормил его с ложечки, а сегодня просто поставил тарелку и отошёл. На самом деле Лян Шу велела Си Чжоу не помогать малышу — через полгода тому в садик, пора учиться есть самостоятельно. Впрочем, все эти дни Суй-бао вёл себя очень послушно и сам с энтузиазмом брал вилочку и ложечку, чтобы показать братику, какой он молодец, и заслужить похвалу. Но сегодня заупрямился. Было очевидно: он обиделся на то, что тётя отвлекла братика и его оставили без внимания.

Си Чжоу поправил его слюнявчик:

— Но Суй-бао уже три годика, пора кушать самому.

Малыш уставился на вилочку и, опустив голову, замолчал. Си Чжоу присел рядом с ним:

— Что случилось?

Глазёнки Суй-бао покраснели. Кажется, чем больше он думал, тем обиднее ему становилось. Он принялся пухлыми ручонками тереть глаза и всхлипывать. При виде этого сердце Си Чжоу растаяло. Он тут же обнял малыша:

— Давай так: половину ты съешь сам, а со второй половиной помогу я. Хорошо?

Сяо Суй-бао замотал головой.

— Пришла тётя, и гэгэ больше не любит Суй-бао.

Си Чжоу взял малыша за плечики:

— Ну что ты, гэгэ любит Суй-бао больше всех.

— Правда? — Малыш моргнул и на ресницах повисли крупные слёзы. Он тербил пальчиками ткань на плече у Си Чжоу и, надув губки, что-то невнятно пробормотал. Сначала Си Чжоу не расслышал, но потом понял: сяо Суй-бао просил, чтобы гэгэ его покормил.

— Ну что с тобой поделаешь, — Си Чжоу легонько смахнул с его пухлых щёчек золотые слезинки. — Давай гэгэ покормит тебя. Так пойдёт?

— Угу! — тут же улыбнулся сквозь слёзы малыш.

В кухне Лян Шу, наблюдавшая за этой сценой, беспомощно вздохнула:

— Чжоу-Чжоу совсем избаловал Суй-бао.

— Это потому, что ты сама ему позволяешь, — сказала Янь Юфан, чувствуя свою вину. — Мы с Чжюанем редко бываем рядом, а ты заменяешь ему маму. Но Суй-бао и правда невероятно милый. Когда я видела его в прошлый раз, он ещё не говорил, а теперь выдаёт целые тирады, до чего же умилительно!

Янь Юфан со смехом покачала головой:

— Если уж я не могу устоять перед его ревностью, то что говорить о Чжоу-Чжоу.

Эти слова были чистой правдой. Лян Шу снова посмотрела на своё золотце. Малыш унаследовал лучшие черты родителей. Особенно глаза: большие, с таким же двойным веком, как у Вэнь Цунцзяня, но по форме — как у Лян Шу, с ресницами длиннее, чем у обоих вместе взятых. Когда он смеялся, ресницы трепетали, а когда плакал, его слезы осыпались цветами груши — вид у него был невероятно нежный и трогательный. В свои малые годы он уже был прирождённым красавцем — таким, что на улице любой ребёнок непременно подошёл бы познакомиться. Конечно, можно было не волноваться, что такой милый комочек потеряется или его уведут, — ведь он любил только своего Чжоу-Чжоу-гэгэ. И это была такая любовь, перед которой даже родная мать отступала на шаг.

Всякий раз, вспоминая об этом, Лян Шу чувствовала лёгкую ревность, но стоило ей взглянуть на красивого и нежного юношу, который сейчас ласково уговаривал её сынишку, как

неприятное чувство тут же рассеивалось. Эта картина была слишком прекрасной, особенно на контрасте с той бесконечной тьмой из её сна. Противостоять такому счастью было невозможно.

Судьба — удивительная штука. Она помнила день, когда родился сяо Вэнь Суй. Всё случилось внезапно: когда у неё отошли воды, она находилась на дежурстве в больнице. Тот день выдался напряженным, было много пациентов, и к шести вечера приём ещё продолжался. Когда её доставили в родильное отделение, рядом с ней, кроме коллег-медиков, был только восьмилетний Си Чжоу. Его школа находилась рядом с больницей, поэтому после уроков он всегда шёл прямо туда. Если Лян Шу была занята, он самостоятельно ужинал в столовой, а потом делал уроки в свободном кабинете.

Вэнь Цунцзянь, узнав новости, немедленно бросился в больницу. Но, как ни странно, хотя ей и говорили, что из-за узкого таза роды могут затянуться, всё прошло на удивление гладко. Вэнь Цунцзянь застрял в вечерней пробке и приехал лишь через два часа. К тому времени Лян Шу уже лежала на больничной койке, а рядом в колыбели покоился новорожденный.

Сяо Си Чжоу сидел у колыбели, и его палец был крепко зажат в крошечной, красной и сморщенной ручке. словно сжимая во сне бутылочку с молоком, крошечный ротик причмокнул, тихонько вдохнул и выдохнул.

— Ху... ху-ху...

Казалось, он крепко спал, но его глазки, до этого сомкнутые в тонкие щёлочки, слегка приоткрылись, обнажив ясные тёмные зрачки. В них отразился Си Чжоу. Юноша поднял голову и посмотрел на Лян Шу, в его взгляде читались удивление и растерянность.

— Чжоу-Чжоу, кажется, ты ему очень нравишься.

— Угу...

Си Чжоу немного застенчиво улыбнулся, и в этот миг всё тепло, что наполняло палату, собралось в его сияющем взгляде. Вэнь Цунцзянь как раз подошёл к двери. Он опоздал на мгновение и не увидел, как его сын впервые открыл глаза. Так получилось, что первым человеком, которого увидел новорождённый Вэнь Суй, стал Си Чжоу.

Случись это чуть раньше или чуть позже — такого совпадения бы не вышло. Казалось, будто малыш специально выбрал этот момент, чтобы появиться на свет — чтобы первым увидеть его. Сяо Си Чжоу слегка наклонил голову, склонился над кроваткой, положив подбородок на бортик, и не мог оторвать взгляда от этого сморщенного комочка, даже не пытаясь высвободить свой палец.

Точно так же, как и сейчас: трёхлетний Суй-бао, открыв рот, чтобы съесть дольку мандарина, которую ему поднёс гэгэ, другой рукой продолжал цепляться за его руку, словно боясь, что тот его бросит.

— Вкусно?

— Угу-у! — щёчки малыша надулись, а лицо озарилось счастливой улыбкой, когда он увидел, как ему улыбается брат. — Гэгэ тоже должен кушать!

Маленькая ручка схватила дольку мандарина и поднесла её ко рту Си Чжоу. Юноша хотел отказаться, но было поздно — мандарин уже запихнули ему в рот. Маленький жадина всегда был щедр только с ним: из десяти долек мандарина ему он мог отдать целых три, в то время как другим не перепало и взгляда. Он откусил сладкий мандарин, и сладкий сок мгновенно заполнил рот, как и улыбка — глаза Си Чжоу.

— Спасибо, очень вкусно.

Так они и сидели на коврике, склонившись над тарелкой с мандаринами: большой и маленький. Си Чжоу сидел, скрестив ноги, и сяо Вэнь Суй пытался повторить за ним, но сидел неустойчиво и постоянно заваливался назад. Ножки были слишком короткими, чтобы их скрестить.

Когда малыш с недоумением поднял на него личико, Си Чжоу, глядя на его прелестное, полное растерянности выражение, едва сдержался, чтобы не объяснить причину. Но потом он представил, что малыш начнёт спорить, а в итоге расплачется, и струсил. Юноша вздохнул, похлопал по своим коленям и с безграничной нежностью в голосе произнёс:

— Суй-бао, иди к гэгэ.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12809/1130154>